

Александр Петрушкин

ТЕТРАДИ 2008 ГОДА

Александр Петрушкин

Тетради 2008 года

«Издательские решения»

Петрушкин А.

Тетради 2008 года / А. Петрушкин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-905555-2

Книга включает в себя все стихотворения Александра Петрушкина, записанные в 2008 году. Книга представляет собой часть поэтического проекта «Тетради», включающего в себя стихотворения, записанные с 2000 года по настоящий момент.

ISBN 978-5-44-905555-2

© Петрушкин А.
© Издательские решения

Содержание

Перекур в тамбуре	7
«рукою тронула не той...»	8
«поговорит за всё столом...»	9
«изнанка речи на забор...»	10
«и плакали внизу сугробы...»	11
Самокрутка	12
«так думаешь отличиться...»	13
«берестовое письмо...»	14
«выйдя в парк городской...»	15
Женщина сороколетняя	16
«крохотное небо назывные буквы...»	17
«не ходи никуда с той...»	18
«смерть на меня в просвет...»	19
Живые	20
Воробей	21
«поднимается взгляд – удаляясь...»	22
«в поклон – в поклон – в поклон...»	23
«на свободе десятка за тридцать...»	24
«написала подруга вчера...»	25
«она зашла не в магазин...»	26
Гоголь	27
«ты шелестишь как веткою рука...»	28
«выходишь в ночь а...»	29
Декорация для голоса собаки	30
«молчи молчи молчи молчи...»	31
Чад	32
Кыштымское рождество	33
«темнее чем речь не бывает...»	34
«из художников выживет восемь и к декабрю...»	35
«перепиленное дерево...»	36
«как ты стоял репейник под водой...»	37
«не переносишь бережешь в своей ладони свою дрожь...»	38
«передающему снег пересказывать некогда негде...»	39
«ты говоришь как будто говоришь...»	40
«вот так летишь и льстишь...»	41
Бревно	42
«длящийся как провод для продолжения тебя...»	43
«новый Вавилон...»	44
«маленький на маленький Большой по большому...»	45
«оказия шла в Красноярск...»	46
Мясо	47
Пелагея	48
Урга	49
«о давайте балахоны руки ноги голова...»	50
Первый-второй-третий	51
Волк	52

«брезгливый ямщик говорит не с тобою а с небом...»	53
«на ветке смычок зацепился цевирк или цвирк...»	54
«мама мама никакого секса никаких мальчиков ни в коем случае девочек...»	55
«в третьем часу носят беременность больше чем девять часов...»	56
«обращайся голый голый...»	57
«нрзб как нрзб...»	58
«собачий нос мороза...»	59
«вот и молчание виснет мокрой веревкой...»	60
«пороги как пороги в девятом переходе...»	61
«обойти не обойдёшь...»	62
«лиза лиза пишет машарыгиным санников...»	63
«Господи сделай меня господи...»	64
«поскрипывает дверь...»	65
«радио пускает граммофон...»	66
«дневниковая запись...»	67
«переходи меня как мост – сегодня перешел октябрь...»	68
«смотри какая лепота гляди какая слепота...»	69
«1:1...»	70
«я понял я не помню я...»	71
«вот и горим лежит топор...»	72
«и простота как мама...»	73
«гулит метро гулит до миллиметра гулит хоть голуби остались в зоопарке...»	74
«ничего не надо больше только мя...»	75
«поздней осенью всегда наступает это да...»	76
«Поперечные наречья...»	77
Самурай Муму	78
«снег в сто пудов и самогон под печкой...»	80
«что невозможный снег по всей земле...»	81
Молитва о мясорубке	82
О ящике	83
«не то меня ты говоришь...»	84
«давай попытаемся без трагедии с рыбьей кожей...»	85
Наблюдая Пушкина	86
«тот еще питер пожалуй москва...»	87
«мне надо побыть одному...»	88
«закончены стихи дорога и тоска...»	89
Срочной авиапочтой	90
«приговори мою главу приговори мои все силы...»	91
Петре	92
«сползают с нижнего в кыштым...»	93
«пойми никто не виноват...»	94
«побойся ходить и отвечать...»	95
Дада. 1909 г.	96
– 1-	96
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Тетради 2008 года

Александр Петрушкин

© Александр Петрушкин, 2018

ISBN 978-5-4490-5555-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Перекур в тамбуре

деревянное пиво в купейном вагоне волчары на местном базарят
не по детски балканят – на сербов надежда они не обманут
[деревянное пиво в бумажных зубах остывает
за окном – не погода а что непременно сбегает]
всё свинцовой пейзаж всё хваленней нелепое братство
всех окопных шакалов майкопских нелепое тёмное блядство
[достают рукава небеса достают скоро вынут
всех искусственных нас до сюда/суда не допустят на выдох]
не допустят не сплюнут закажут (нам) (слу) -жить по приказу
деревянное пиво и пить бессловесно заразу
[пеленая младенцев нажитых елдой с гепатитом
панихиду отслужит другой кто упущен из вида]
он с бубновым тузом спит валетом у воздуха кромки
всех знамён змееносец – слепой или зрением тонкий

[деревянное пиво всё точное по парадигме
два хвоста тёмный поезд
и значит отсюда не

выйдем]

«рукою тронула не той...»

рукою тронула не той
которой длинной

жить приучилась в смерть – постой
у шконки глинной

свинцова жизнь но жестяной
шажок в автобус

верняк негордый шестерной
смотри увозит

смотри выносят говорят
о чьей-то светлой

а за окном – два фонаря
под глазом третьей

на четверть выбитый сквозной
по праву зуба

и голубь с телом говоря
ждёт лесоруба

«Поговорит за всё столом...»

Андрею

поговорит за всё столом
селёdochка со стаканом

стальные воды пьём и пьём
десятый год дожди дождём

по линзе ходит человек
не смейся он течёт как снег

но деревянный как слеза
в глазах андрея перестань

перестранни ещё страшней
рыдают воды под тобой

и мы идём страна в стране
под поездами под углём

углом угла не увидеть
балканская звезда на ужин

и там дождю нас говорят
песочные как небо лужи

«изнанка речи на забор...»

изнанка речи на забор
водозабор

три слова матерных и на
всё е страна

без пафоса и без теней
плывём по ней

и густо густо огород
стучится в рот

откроешь дверь со всех петель
читай тетерь

в глухой стране один слепой
он за тобой

и говорит за нас рука
(но далека)

ты обернёшься и вернёшь
по рылу ложь

изнанка речи тишина
вползёт под нож

какая мягкая земля
примериваешь по себе

и траляля

«и плакали внизу сугробы...»

и плакали внизу сугробы
выплёвывая почву по блатному
мы офигели ощущая кожу
которую родители одели
ты всё стоишь в колючем этом дымном
лесу и понимаешь слова
такого нет такого нет у бога
ты поднимаешь дым и как младенца
несёшь ещё беременная кожей
ещё ведёшь сугробы как телёнка
он плачет застывает
знаешь можешь
меня простить и привести
обратно

Самокрутка

свернув в козью ногу газету кыштымский
рабочий читает газету огнём
а там на махорке сгорают буквы
о нём только нем обо всём

а небо боится учиться читать
и падает падает гипс в пионера
на смотришь казалось что тело своё
но так прорастала девчоночка
вера

«так думаешь отличаться...»

так думаешь отличаться
на каплю на щепку от дерева
на спичку на свет водяной

струящийся через косточку
так думаешь просыпаешься
внутри белой глины у берега

и смерти отмеренной нет

молчи: не бывает другой

«берестовое письмо...»

берестовое письмо
слева справа не вода
невода заводят тело
в перестрельчатое да

едем едем за свердловск
там барачный живёт гость
озирает своё тело
перезревшее до слёз

зрения нет растёт сирень
купоросная как тень
расшифруешь если сможешь
(паузу здесь) хренотень

берестовое письмо
привокзальный проводник
чувствуешь как белый бог
к нам проник под воротник

едем едем за тюмень
немясной но пелемень
на соседней сидит лавке
берег жжёт и прячет тапки

речи нет ты слышишь нету
всё вернули интернету
снег по чёрному экрану
водит воды возит лапу

берестовая вода
запечатана в конверте
едем едем беломором
то ли волки то ли в свете

подорожная страна
выйдешь видишь ни хрена
и частят в качелях дети
а над ними бьёт волна

здесь по детям ходит бог
чешет детям рваный бок
и по всей по всей сибирский
рассыпается песок

«ВЫЙДЯ В ПАРК ГОРОДСКОЙ...»

выйдя в парк городской
повернись налево —
изнутри тебя дна
у земли не бывает

видишь пятнышко твёрдого
то есть несмелого света
выйди в парк пионер
параллельно лежит между нами

вышел в парк городской
и прижался к стене словно к маме
закурил – бросил воздух
курил зарешёченный дым
между пауз жил парк
и смотрел словно смертный был
нами и вниз

Женщина сороколетняя

привкус чего-то актуального наверное литературы
снобизма (идитынах) крики панаехали тут всякие дуры
всякие всякие

целую тебя за ушком

в избушке между кладбищем и небом целую то кладбищем то
небом
то есениным то женщиной сороколетней
летней

трогаю мну обдираюсь ботвою до крови
типа дайте мне грантса дайте водочки и любви
слова нет – остаётся твоё тело

тёплое и страшное

за окном светает от неактуального снега

«крохотное небо назывные буквы...»

крохотное небо назывные буквы
подсадила мама кума на копейку
посчитаешь – сдохнешь от любви и муки
но читают в хате по солдату швейку
но читают в хате кружевные окна
умирая нежно от красивых сук
хавает ребёнок у родного голубя
из трёхпалых резаных/
тёмно синих рук

«не ходи никуда с той...»

не ходи никуда с той
то вот с этой а может стой

здесь возьмут алтын за постой
там спалят как сухостой

не ходи никуда ага
над тобою вода в три дождя

мир и круг состоит из теней
говори что сгоришь с ней

до воды три звезды агу
нас пасёт на своём лугу

растворишься в её кислоте
по звезде, дорогой, по звезде

не ходи по воде агы
из которой наружу дым

из которой твои следы
смотрят вверх

как когда и
ты

«СМЕРТЬ НА МЕНЯ В ПРОСВЕТ...»

Лёше Халтуруину

смерть на меня в просвет
смотрит рыбак из лунки
верит что клёва нет
и достаёт из сумки

три пузыря по сорок
это не дни а бабы
смерть и рыбак заметят
в смысле не будут рады

по доньшку теплотрассы
ходят за светом люди
скоро придёт любовь
и рыбака зарубит

будет по рыбе солнце
будет за лункой слово
то ли любимая блярва
то ли для смертных вобла

Живые

хилай до хаты паузы не будет
дыхание о горле позабудет
в глазницы входит ржавый мёртвый смех
бьют спирт два горла
за себя за всех

хилай до хаты Бога может нету
дыхание охочее до свету
меняет свет меняет языки
стоящему у земляной
строки

у самого порога вертикально
склонился кто-то полюбил орально
и похилил до хаты небесами
остался хрупкий спирт
между зубами

и вид как будто тот который нет
развёл крыла хилает типа свет
где не земля а чёрные родные
пьют спирт вослед
со всем совсем
живые

Воробей

соскучился по снегу и лепечет
обратное всё свету милый птенчик
не говоря летит на север на свету
он призывает всех волков не плечи
на славу что и значит на беду

мне скучен брат мой брат мне отвечает
то падает то на письме растает
скворчит и пробивается сквозь плечи
что ж всякий неолег бывает вещим
смотри как свет уносит мимо вещи

он не убьёт нас – только искалечит
он искалечит это только – птенчик
летит на север пьяный как язык
летишь лети пернатый
тёплый вжик

«ПОДНИМАЕТСЯ ВЗГЛЯД – УДАЛЯЯСЬ...»

поднимается взгляд – удаляясь
в пустоты все вещи
огибает как воды реки
тихо точат углы
как аморфные нутрии – не слово
окажется вещим
а пропущенный слайд отчего-то
не названный им
ты стоишь на вокзале и я от тебя удаляюсь
третий рельс третий раз
я твой взгляд
понимаешь мой взгляд?
я ещё улыбаюсь
и delete сморгнув нажимаю
вот и всё
никого
кто напишет
как пропуски нас

«В ПОКЛОН – В ПОКЛОН – В ПОКЛОН...»

в поклон – в поклон – в поклон
оглянешься —
мир страшный
тебе заглянет в рот
как бы дантист бесстрашный
срифмуешь полукеды
не с кедами с носком
давай скорей уедем
оставим им дурдом
оставим им надежду
оставим поезд им
в поклон – в поклон – отсюда —
к тем мёртвым и живым
оставим списки-
вписки
и женщин для любви
чтоб дети говорили
на мы на ты на вы

«на свободе десятка за тридцать...»

на свободе десятка за тридцать
что утеряно то и нашли
помнишь братец поэторазвёрстку
помнишь как они воздухом шли

там за небом нам это зачтётся
пьянь и гордость и свет от земли
снег сегодня и дворник зажжётся
не от речи – от дара тоски

на свободе десятка за тридцать
чем потеряны тем и пришли
и сгорает чернильная вёрстка
набивая свинцовые рты

«написала подруга вчера...»

написала подруга вчера
отодрали её на балконе
то то было и страсти и вони
были ангелы и опера
и ходила по кругу по кругу
говорила звала меня суку
в переносном значении – к стуку
в затемнённое небо с утра
написала подруга ничё здесь
за околицей – небо и лес есть
ходят люди случайные с чаем
возвращаются эти сюда
написала подруга записку
все мы в чём-то ведём переписку
все мы с кем-то живём переписку
все мы живы бывали с утра
написала подруга упруго
нас имели по гланды подруга
эти речи земные – варились
блядь-поэзия-крошка-гора
я не вышел отсюда не вышел
и шепчу отвратительно ближе
непохожие светлые глухи
написала подруга вчера

«Она зашла не в магазин...»

Евгении Извариной

она зашла не в магазин
она зашла в субботу
и оказалось нет дрезин
чтоб завести работу

она бы гладила её
как бы ребёнка свет
или котиха свой живот
не успевает спеть

она гуляла по земле
по почве во дворе
а снизу поднимался свет
и плакая в ответ

она зашла не в магазин
(здесь: левый поворот
ей скоро: сорок и один
а после новый год)

Гоголь

ты помолишь за нас смели в двух жерновах
один похож на небо другой землёй зажат
один горит как кожа из проруби в метель
второе – не второе – а спиртовой наш зверь

ходили с машарыгиным под небеси кыштымской
ходили аки голуби клевали зёрна с рук

и тело не болело а говорило слово
из гроба раздавался неравномерный стук

«ТЫ ШЕЛЕСТИШЬ КАК ВЕТКОЮ РУКА...»

ты шелестишь как веткою рука
задевая у престарелой тётки
идушей от бидона молока
от всех телят потерянных по корке
на левом локте у сырой земли
она и ты идут и следом вам телята
но не рождённые бредут
и где они прошли – соски
земные плачут внутрь
и виновато

«ВЫХОДИШЬ В НОЧЬ а...»

выходишь в ночь а
ночь в тебя заходит
начнём с начал
июль – не календарь
вода (как дима
написал) не ходит
не ночь андрей
а тонуций вокзал

похоже здесь сто-
яла электричка
начнём с начал
восходит в небо дождь
есенин спит
пока сгорает спичка
и в этом правда
правды ни на грош

сгорает ночь
скорее – полседьмого
начнем с начал
вода приходит ночь
все мудаки и суки
но в июле
за изречённое
речёшь себя на нож

выходишь ночь
гостиница и узел
грызёшь на пальце
неесенин спит
вода уходит
в небо (точка) то есть
вода перелицована
на спирт

Декорация для голоса собаки

бобик с косточкой свинцовой [пере-
бегает как сквозняк битый
между двух форточек]

лает собака – её перед-
ввёрнутый голос
гремит как стая мисок

[рано утром
озирается]

кто ты?

чьё ты зёрнышко
в свинцовых костях?

[лай из кинозала] моё

«МОЛЧИ МОЛЧИ МОЛЧИ МОЛЧИ...»

молчи молчи молчи молчи
то с правой то с другой руки
здесь есть река но изреки
ножа не видно не дыши
застыл как зябнувший незверь
не птица но себя сильнее
прозрачней видишь как внутри
двора тебя все мужики
стоят не дышат а вверху
летает непрозрачный куб

он говорит – что говорит
молчание звонарь болит
и ходит по гнедой дуге
трам-пам-парам с бре-ке-ке-ке
молчи молчи молчи молчи
но выйдя в тело мужики
взлетают как с одной руки
из глубины слепой реки
свинцовый куб во мне летит
молчи молчи мне говорит

Чад

Ольге Ермолаевой

над головами в чад трамвай влетел разбился
на стаю медленных ворон
разворотился

на стаю медленных ворон на горловое
молчание на дирижабль
над головою

свистит молчание свистит заветной уркой
над головами в чад трамвай на полудурка
всегда дурак

найдёт игру цветные тряпки
на перестрелку есть всегда свои
посадки

над головами Чад трамвай и дым до пепла
и я стою – не навсегда

светло и слепо

Кыштымское рождество

как «-20» эта водка плывет во мне из яблонь лодка
мороз мороз пустой кыштым
[плывет за ангелом один]

плывет как «-20» только их наблюдаешь ты со спин
идут обнявшись через круги
[остынь остынь]

через седьмые руки речи сидит кыштым у русской печи
еврей евреем среди льдин
[немой с немым]

поговори со мной я смертный за это дан двойной язык
чтоб ангел говорил до смерти
[как смерть иным]

как в «-20» дети зеки смотри живут
с кыштымским ангелом до смерти
[и там и тут]

и дым к земле ластится как бы почти щенок
и ангел у детей и смертных
[лежит у ног]

«темнее чем речь не бывает...»

Андрею

темнее чем речь не бывает
нет времени года отсюда
и санников книгу читает
и небо выходит повсюду

и едут по каменной тверди
урывые мертвыми сани
темнее урала не всходит
по снегу в стыду и обмане

и жизнь не проходит по слуху
с распоротым брюхом сугробы
идут по телам или смертным
до азии черной Европы

«ИЗ ХУДОЖНИКОВ ВЫЖИВЕТ ВОСЕМЬ И К ДЕКАБРЮ...»

из художников выживет восемь и к декабрю
опадут эти стены к коленям дощатой земли
но китайская грамота на хрен нужна букварю
дорогая моя колени свои разведи
назовем их руками когда на двадцатую ночь
язвы вскроют суставы словесной паленой чумы
выпьет водка из горла твою нерожденную дочь
из художников только лишь восемь видны

со спины

этот город Свердловск и хоть ебургом мир назови
все конечно Тагил и Озерск а темны переходы
дорогая моя на качелях летая взгляни
никакая болезнь или смерть
как художник уходит

из влагалища мертвого полой как небо
зимы

«перепиленное дерево...»

перепиленное дерево
пьяный в дерево мужик
он лежит под этим деревом
он наверное простит

зачитался старой книгою
и не видит что его
поднимают словно спелое
слово небу

за кого?

«КАК ТЫ СТОЯЛ РЕПЕЙНИК ПОД ВОДОЙ...»

как ты стоял репейник под водой
ты жестяное имя а другой

тебе другое имя даст а конвоир
в большом тагиле больше чем тагил

на женской зоне только имена
как ты стоял как будто всем хана

тебе другое имя голубь по воде
проходит крестом накрест по себе

как ты стоял как будто выносил
тела подруг с влагилицем пустым

на женской зоне жестяной полкан
свистит и главным образом по нам

как ты стоял репейник в женской зоне
поди без имени и вертухай потонет

тагил идет один один тагил
своим подругам х... и конвоир

**«не переносишь бережешь
в своей ладони свою дрожь...»**

не переносишь бережешь в своей ладони свою дрожь
потрогаешь и падаешь
как ты умел переносить слова до сноса и штанин
как будто воздух лапаешь

как пуля вверх растет трава она конечно не права
но прорастает птицу
уснувшую в своем гнезде и на осиновом листе
как муравей убийцу

пометил всё переноси... возможен перенос один
с гостиницы «Свердловск»
взлетает снег и смотрит вниз взлетаешь ты и смотришь в снег
и сбережённый воск

в лишенном хворобы болит молитва тело говорит
и не хватает слов

«передающему снег пересказывать некогда негде...»

передающему снег пересказывать некогда негде
приткнуться к вокзалу ж/д головой
в перегаре и свете

молчать и молчать что ты видел задел на просвете
немой твой язык замерзает
за треть сигареты

ты мне передай свой древесный язык и занозы
а вновь переходишь дощатый свердловск
и под голос откосы

свои забываешь бываешь и ешь свое тело
и свет на тебя наступает
чуть раньше рассвета

он третьей ногой ковыряет свердловск
мы замнем от испуга
замрем и умрем

от стука того как этот свердловск
обрастает базланьем
е-бурга

«ТЫ ГОВОРИШЬ КАК БУДТО ГОВОРИШЬ...»

ты говоришь как будто говоришь
пересылаешь почту через бога
один дурак а перед ним дорога
все за бесплатно
проходи за ним

пересылаешь глиняны хрящи
а горловая русская навывпуск
и речь и бабы и твои кишки
нужны лишь богу
только он нас вынес

он вынес нас как дым мы дым над ним
смеются бабы значит тоже смеют
один дурак в дороге крепкой спит
и ангелы его под снегом
греют

«ВОТ ТАК ЛЕТИШЬ И ЛЬСТИШЬ...»

вот так летишь и льстишь
а в нутрь пусто пуста и та
удвоенная та

ты слышишь вась
моя квартира держится едва
вот так летишь
и та и та и та

ять стоит жизни

если оглядеться найдешь карманы
а в карманах
сердце

разломанное с хлебом пополам
летишь и слышишь
кто-то рядом в ГОЛОС

там

Бревно

закроется окно – слетят со стекол брызги
аптека на фонарь закроется
в говно

не одиссей чтоб плыть не гамлет всероссийский
нет братец не река скорей под ней
бревно

произноси меня переноси молитвы
вкушай как сердце мёд и воздух
контрабандный

неси в своих руках венозных как отрывки
зарытые в воде ментом
для пропаганды

не одиссей что быть чтоб уркой слыть пожалуй
нас схватит на прикус
козлиная орда

но если остановишь свой взгляд в восьмом отрывке
(нас хватит на рывок) смотри
как можешь на крота

он слаб для магазинов для идиотки мамы
он весть олигофрен и пахнет
как фреон

глазеет и сверчит а больше не умеет
а если говорит то говорит
не он

«длящийся как провод для продолжения тебя...»

длящийся как провод для продолжения тебя
образует кислоту
двуязычная петля

образует кислоту насекомое виска
докасается ко рту
деревянная тоска

все пройдет и ты найдешь что разжатая рука
мнет как птица пустоту
из последнего куска

продлевает путь из пут
всем чужого
языка

пишет клюв нас всех пасут
и спасут как
кислота

«новый Вавилон...»

новый Вавилон
выпадающий из окна
с криком вперед у которого
брызжет слюна

переходит за перечень дозы
которой темна
доля срывается на половине от ми и
до ля

мы не приходим уходим не дышим
слышны

эти сугробы взлетают от неба
и запах хурмы
слева клюют в половине
от света и тьмы

дай мне слова которых не будет в Слышны

«маленький на маленький Большой по большому...»

маленький на маленький Большой по большому

в коридоре спит сосед
вывернут на стужу

настороженный над ним Бог глядит на валенки

он помог бы снять ему
чтоб итить наружу

он проходит вдалеке этой географии

он стоит и смотрит вниз
как алкашик вовка

вспоминает про жену что под зимним спрятана

и от этой глубины
Большому неловко

«оказия шла в Красноярск...»

оказия шла в Красноярск
Ока тоже шла
шила мне шило
которое грех

утаить
Я не прошу ошу-ша... ошу... ша... ошуша
ошущаю оказию
надо вперед
пропустить

надо ели и баб
и мужицкий но бабий
гласок
Бог глядящий с небес
как я кушаю кислые
щи
и усами своими касаюсь
соленых как бог облаков
не взыщи

есть оказия

дальше Сибири

свисти
и ищи

Мясо

Алексею Халтурицу

ох это сушенное мясо луны и двора
куска не досталось – полай полечись не одна

а Нео стоит смотрит в Матрицу видит свое
крестись а не пой не пой а крестись над собой

летающий смех этот лающий смех никотин
желтушные пальцы взаимно читай аспирин

взаимно летай по тверской баррикадной соли
кыштымских блядей что получше друзей но вдали

напишут письмо напишут в четыре строки
пути переводят нас к смерти из улиц оги

сушенное мясо торчит под луною как спирт
спаси сохрани меня от меня и обид

Пелагея

Дмитрию Машарыгину

хоть smerti.net она здесь есть
как ты зеленый виной град
попить бы спиртику но тут
ментяры гнусные
ты прав

один на всех метеорит
по небу чертит и горит
его коньковая строка
мой милый Дима
ты права

а смерти нет – ей богу нет
зеленый чай и смертный свет
и Пелагея ткёт
пирог
а. из голов

б. смерти нет
в. Равный не
готов

Урта

подумаешь и скажешь ну и ладно
снега нейдут из рта

вот это р
не та рифмовка

перекрестный смех намедни
довел до меди

дум а ешь вчера
всё полный doom —

слепые курьи ножки
святые все вокруг и до хера

афиш оборванных столбов
мир проводами

неуваженье выражает
даме

плывет кораблик
думаешь вчера

вот это р
в снега

бежит
Урта

«о девайте балахоны руки ноги голова...»

о девайте балахоны руки ноги голова
треугольные глаза фиолетовые уши
Чукоккала блаблабла

где на пятом переулке под шестым своим стихом
был пожар опять растушен
Каланчою с козырьком

где летал я чижик в пыже по башкирски говорил
балахоны руки ноги фиолетовые уши
привяжи ко мне Костыль

и когда по переулку Цыпой прошуршит трамвай
я чужой взлетаю лучше
а в лицо не узнавай

Первый-второй-третий

Сергею Ивкину

с этого начиналась с ползунка с наговора с вора
с пивной с балалайки только позвал а уже оторвалось

что-то внутри что ж ты маленький
бог с тобою

литература-дура
не начиналась

неизвестный солдат члены разделяющее мычание
агу на гу – я так не могу – выходи из своего

окруженья позови оглянись
вот оно – в голове – отчаянье

что ж покричи мой маленький
чтобы не бог тобой

что ж покричи на осень глядячи из гадючинска
сфинксой на первый снег говором мягким птичьим

что оторвалось и стукнуло
ниже и ниже печального

что же молчишь маленький
ангел становится ближе

бледненький окровавленный
в осень рыжухой смененный

первый барак восьмой
круг или крут до молчания

первый барак восьмой
зек и поэт в обнимку

первый сверчит на проводе
третий как обещание

Волк

Леониду Юлдашеву, Елене Оболикита

лена лена иди на
лёне лёне все весна

лена лёне хуй в кармане
по реке плывут карманы

полные как провода
да скажи мне мальчик да

лене лене по хуй тьма
осень ночью не видна

волки волки по клыки
по любовь идут с руки

по любовь стоят в реке
лена лена вдалеке

полные как провода
ходят люди ходят да

гумилев над ними пьяный
будто богом этим данный

а качель скрипит из тьмы
на реке горят следы

лёне с леной по хуй всё
над рекой стоит лицо

волк себя целует и
от лица идут круги

«брезгливый ямщик говорит не с тобою а с небом...»

брезгливый ямщик говорит не с тобою а с небом
как будто бы ты заебал как будто там не был

откуда вернулся откуда пока лепетать
учился пока научился летать

прошло три зимы восемь девочек это неважно
негромко скрипишь (извини, говоришь) что не слышит неважно

которая слякоть которая будет с тобой
который там мальчик спартанец последний френд-бой

брезгливый ямщик не дорога когда свысока
последние смотрят – как будто бы ты заебал

и никак

«на ветке смычок зацепился цевирк или цвирк...»

на ветке смычок зацепился цевирк или цвирк
он звук издавал а теперь отдохнул и отвык

он деревом дышит как старый мужчина когда
на свадьбе у сына целует невесту когда

он мать вспоминает по запаху ты отвернёшься но я
продолжу смотреть на игру хромосом

и не игрек а икс
на ветке смычок заменяет пернатых и крыс

раздвинешь ладонями воздух нальётся вода
в ладони по небному желобу жалость по два

налей цевиркА по струне отвернись от даров
и ветка права от шелеста и до вчера

смычок когда там за мною?
то звук то засов

**«мама мама никакого секса никаких
мальчиков ни в коем случае девочек...»**

мама мама никакого секса никаких мальчиков ни в коем случае
девочек
эта пони удивительна

говори со мной об иванове о сосноре о сидорове об океане
о царе салтане

мама мама сказала быть дома (когданибудь лошадь пристрелят —
собери яблоки)

**«В третьем часу носят беременность
больше чем девять часов...»**

в третьем часу носят беременность больше чем девять часов
глядят живот изнутри и снаружи
солдаты двух рот

ротный сегодня ушел в караул – караул! —
кличут две роты когда им не хватает двух
дур

эти солдаты – весь мир новогорный бля бля
выберут тело а после повесят
тебя

«обращайся голый голый...»

обращайся голый голый
снег идет по всей земле
дунет в мятные пределы
выкурит блох за предел
я стою на переулке
а вокруг летят окурки

бога нет поскольку есть

снег

здесь

«нрзб как нрзб...»

нрзб как нрзб
стол стоящий на дворе
пьяными накрыт и бредит
белая горячка верит
едет едет голова
на троих тебе дана

нрзб и нрзб хакири в декабре
тянется не очень долго
но короче
в октябре

нрзб и нрзб

«собачий нос мороза...»

собачий нос мороза
потные пироги
выйдешь от носа к носу
улицы на оги

но невозможна скорость
если девятый час

пес или береза
но обнимают нас

«ВОТ И МОЛЧАНИЕ ВИСНЕТ МОКРОЙ ВЕРЕВКОЙ...»

вот и молчание виснет мокрой веревкой
тихий рыбак сидящий над нами в пилотке

славный солдат оловянный в молчании столько
неба что хватит в карман если скомкать

это пейзаж этой осени первой с окна
слева и справа стена а вверху до хрена

голоса с голодом
голода с голосом

столько

«пороги как пороги в девятом переходе...»

пороги как пороги в девятом переходе
в девятом вроде круге
суют под ноги
руки

неправда или правда прямая через небо
и хорошо что не был
а звал как будто
звал

стоять по середине ходить по древесине
в девятом вроде круге
квадратный ангел
спал

пороги на пороге пересечённые ноги
трамвай девятый номер
идём без ног
вокзал

идем в депо под руки напильники и стучи
в девятом тепло круге

уснул уснул
поспал

«обойти не обойдёшь...»

обойти не обойдёшь
выйдешь выйдешь не войдёшь

злее смерти только дети
зоопарк нет на свете

всё уехал зоопарк
сидоров не очень рад

я спешу в другое место
с погремушкой дружу

у меня в кармане пестоль
я сегодня не сужу

обойти не обойти
выйти выйти перейти

то ли жизнь а то ли булку
баррикадное метро

смертна каждая кожанка
и билеты далеко

«ЛИЗА ЛИЗА ПИШЕТ МАШАРЫГИНЫМ САННИКОВ...»

лиза лиза пишет машарыгиным санников
протоиерей

пункт номер два (проходной) —
нет дверей

пропускаем третий абзац
все как мы песец

лиза лиза
пункт с 4 до десяти в десятой —

я подлец

«Господи сделай меня господи...»

Господи сделай меня господи
из песка и дерьма и амен
походи перемни пакости
положи в середине
камень

посиди же со мною Господи
пошепчи невнятно иже
походи посреди моей совести
и верни тишине и

ниже

«поскрипывает дверь...»

поскрипывает дверь
вагона ресторана
всё от того что поздно
всё потому что рано

а стоит чтоб не стоять
и говоришь наощупь
заведомое пошло
а не войдешь и ропщет

стоишь посередине
и в тамбуре не тесно
и от друзей ушедших
мне в воздухе нет места

«радио пускает граммофон...»

радио пускает граммофон
слышишь лепет детский
слышишь фон

поднимает мокрую метель
хлеб и фон пора итить
в постель

в звуковую тишину ну-ну
подожди пока и я
усну

подожди не уходи меня
радио транслирует
меня

перелётный ангелов отряд
ночь копал дорогу мне
назад

«ДНЕВНИКОВАЯ ЗАПИСЬ...»

дневниковая запись:
денщик крепко спит

три ведра самогона
пригнали вчера

три вагона солдат
охранять этот спирт

а сапог сапогу
ни гора

«переходи меня как мост – сегодня перешел октябрь...»

переходи меня как мост – сегодня перешел октябрь
за половину дат своих я спрашивал а он молчал
переходи пере-хоть-что умывши руки до костей
денщик проснулся ну и что он слышит хруст
пустых гостей

переходил переводил с французского доязыка
двоих солдат чем рассмешил он встал пока в
округ ходил – он впал в густые облака
он впал в сосновую постель в погибель
тварей и друзей

его везли издалека и гроб в харбин от колчака
парил начав лишь говорить
в пустынной волостной дороге
и на байкальском переходе
ОН ВЫМЫЛ НОГИ

начал пить.

«СМОТРИ КАКАЯ ЛЕПОТА ГЛЯДИ КАКАЯ СЛЕПОТА...»

смотри какая лепота гляди какая слепота
когда б я мог но может он он стреконожит а потом
заходит в дом

смотри как он насрал вот здесь – как было там
теперь лишь здесь – он воет а оно лежит
не говорит

оно растает позже к лету – он ест последнюю котлету
прощаясь с ним оно лежит
в округе тиф

смотри какая слепота подстриженная голова
и безымянный перегон
со всех сторон

как бог
и он

«1:1...»

1:1

одиннадцать
и раз
так шел январь по мутные колени
он бормотал себя по декабрю
он сам себе сантехник
в смысле гений
сказать
1
1
или люблю

его жена с той стороны стекла
лежит с открытыми глазами проспала
или не спит с раздвинутых колен
вползает в тёмный дом
среди тен-
ей
приснилось ей что среди них одна
её

и что наполнена до дна
она его родит
она его
родит
ему

и больше одного

«Я ПОНЯЛ Я НЕ ПОМНЮ Я...»

я понял я не помню я
у поезда есть берега
вожатый поезду сюртук
связал – урюк

диагонален только свет
мы параллельны света нет
сплошная дочь прерывист сын
я не один

как снег здесь пропадает дым
которому сказала сгинь
старуха [выход у метро]
и хорошо

мне холодно и восемь смен
маячат впереди – совсем
своё двоим не пережить
глаза зашить

и шастать по слепой войне
со всеми в мире – наравне
вагонная иная речь
совсем без плеч

«ВОТ И ГОРИМ ЛЕЖИТ ТОПОР...»

вот и горим лежит топор
но на земле а где рука

она довыпила его
и берега

страна не странная она
рубаха и пьяна с корней

своих не зная языка
берёт детей

вот и идём который год
денщик устал молчит урод

лежит топор а горла нет
минет и свет

«и простота как мама...»

и простота как мама
как камень – все торчишь? —

то сбросит тебя амен
то спросит – что кричишь?

и все висишь на ветке
и третий пьёшь пузырь
а простота ручная
и стоит наших крыш

**«гулит метро гулит до миллиметра гулит
хоть голуби остались в зоопарке...»**

гулит метро гулит до миллиметра гулит хоть голуби остались
в зоопарке

ты ничего не выучил уроки остались в школе – школы не осталось
ты корочкой подмерзшею покрытый крошишь свои пока
пустые руки

и у пальто осталось только горло а в горле гули гули с хлебом звуки

а спустишься под землю в переходы и там читают книги вне
прохожих

течет трамвай с собою не похожий собаки это небо небом рожут
они прозрачны тонкие собаки – из них построят в дерево ступени
гулит метро гулит по миллиметру и ждёт ямщик когда его заменят

«ничего не надо больше только мя...»

ничего не надо больше только мя
называет тятя пришлое дитя

называет мамой или беленой
ничего не надо данному не мной

но проходит горла тощая болезнь
и молчать не поздно ножевая резь

обучает молча голос отдавать
на столе открыта голая тетрадь

«ПОЗДНЕЙ ОСЕНЬЮ ВСЕГДА НАСТУПАЕТ ЭТО ДА...»

поздней осенью всегда наступает это да
несколько нас ненормальных входят в магазин с утра

ты здесь есть а я напротив мир находит за работой
несколько смешных мужчин

поздней осенью один он стоит с бутылкой пива
ахуительно один

осенью и без бухла ангелы его встреча
юг прекрасен после пива и особенно
вчера

«Поперечные наречья...»

Поперечные наречья
лезут в город, лезут в рот —

настоящие уродцы —
не найдёшь, а повезёт

из-за каждого пригорка
Тройка – мать твою итить —

речь нечаянно пробьётся,
чтоб меня в себе спасти.

Самурай Муму

*помнишь мы были рельсами – на земле
только нет только нет только нет
Дмитрий Машиарьгин*

пишешь что пишется типа ну ладно
завтра яичница сёдня сегодня
как сарацин как седзин
навсегда ты
но не молчишь
по значенью не поздно

это не поздно вот падает ветер
падает вечер москва и отчизна
русский башкир самурай
едет поезд
едет безмолвно
в поиске сына

в этой стране неподъемной ну ладно
сегодня беременность завтра по новой
ты с ножевою
словесною раной
встанешь в главе
прицепного улова

в белых столбах зачумевшего снега
с блядской эротикой добрый
поручик выведет нас
на семнадцатом поле
выпустит голубя барыня
сучек

крошки клевать у последних прохожих
с дантова круга до дантова мира
едет башкир самурай
будто русский
едет отчизною
в поиске сына

едет молчанием едет с едою
едет с елдою по дырам затёртой
с ним гомофоб и таджик и пророки
крошки клюют
алигьеревской
новой

а за окном закопченным сосновым
сын как щенок перекрестит всех лапой
едешь в семнадцатом
птичьим помёте
сын подвывает
– куда ты куда
ты

как немоты коченеющей остов
сотня сторон и башкир виноватый
видит как поле на выстрел
выводят
белые ангелы
или палаты

пишет по ветру едет за сыном
и стрекозиная речь самурая
(сын подвывает там через поле)
краем своим всю себя
удаляет

«СНЕГ В СТО ПУДОВ И САМОГОН ПОД ПЕЧКОЙ...»

снег в сто пудов и самогон под печкой
вот вот согрейся вот ещё согрейся
вот голой жопой в снег
вот жопой в снег
а ты здесь не скворец
давай не бейся

побойся попроси ведь снег смешон
ты смотришь за окно как тридцать первый сон
ты смотришь ты
тебе уже смешно
и снег летит
как диалог
в окно

снег в сто пудов сто первый город стрыз
вот вот согрейся вот ещё согрейся
среди вот этих стерв и идиотских лиз
как тень вот вот как тень
под снег
забейся

«ЧТО НЕВОЗМОЖНЫЙ СНЕГ ПО ВСЕЙ ЗЕМЛЕ...»

что невозможный снег по всей земле
ходил в ментовском патруле
ходил по цепи по цепям
доэлектрического тока
среди кровавого травотока
назло рассыпанным полям
ты не узнал ты не заметил
кого как мусор снег пометил
кого читал не по губам
искусством сурдоперевода
имея сроки год от года
шел снег шёл сам

ты смотришь в след
ты смотришь следом
там лает ток своим побегом
переведенный в уголь в хлам
с улыбкой мёртвою чеширской
назло подземным патрулям
ты все узнал прах над тобою
с коленей стряхивает ангел
щебечет всей земной рукою
и машет зимнею тоскою
в сугробы спрятанные солью
шел снег шел сам

Молитва о мясорубке

с выключенным майл-агентом как с того света ты говоришь
с митей – митя не надо света надо ответа господи подари мне
мясорубку
телефон видит тебя если ты обнимаешь трубку

трубка видит тебя и тебя к себе прижимает если положишь её то
она растает
от стыда от беззвучия от успевшей надоест тебе мелодии – лает
электричество двух ай си кьюшек одной миранды – знает

телефон твой голос твои привычки и сплетни в передней
он имеет своих агентов два провода ты стоишь бездетный
от стыда и света двери вовнутрь открываешь

господи подари мне мясорубку
остальное уже ты
знаешь

О ящике

Ящик, ящик, мы играем
в догонялки, в доконялки...
Кто меня во тьме узнает? —
только ящик только ящик

Кто меня в себе узнает,
ящик? – ящик. Тёплый ящик
в небе ястребом летает,
на запчасти разбирает

эти доски объявлений,
эти доски в 8 дюймов.
Ящик, ящик называет
мне тоску о чем-то умном.

Ящик, ящик, спи до встречи —
я в тебя вернусь – узнаешь? —
эти спутанные речи
за которые спасаешь.

«НЕ ТО МЕНЯ ТЫ ГОВОРИШЬ...»

Сергею Ивкину

не то меня ты говоришь
по катетам уже горишь
покатит и приедешь в дурку
читать свой голос полудурку

среди восставших голосов
– что ж приходи
– готов?
– готов

стоишь в стальной гипотенузе
с царапиной на медном пузе
и двуголовый спит урод
над головой
среди голов

не говори молчи мне страшно
мне говорить вот это страшно
стоять смотреть среди чудес
в твой черный
лес

но это ничего не значит
мы ляжем в снег
он не заплачет
а лишь замёрзнет
от меня иди
идя

«давай попытаемся без трагедии с рыбьей кожей...»

*когда январь, обычно безголос
но шаровую кровь не уронили
Е. Оболикита*

давай попытаемся без трагедии с рыбьей кожей
скорее со старой чем со змеиной – позже
будет кухня кружкою сзади в череп
чтобы ты понял где твой зад
где перед

мы не молчим говорим втихомолку вареж-
ки разевая – эту водку со мной не сваришь
эта водка давно прокисла стала кефиром
позови меня в ай си кью
назови так: милый

не гора но из камня деланный птицей воздух
не кори не ешь отмеряя по свету поступь
наводя на резкость кадр где всегда 25-м
ты стоишь на запасном
как вагон помятый

памятуй меня без трагедии это быстро
пролетает жизнь как в окне (за окном – отчизна:
государыня, барыня, хрен, с бузиной огороды)
ты и я из сосново-еловой
породы

не молчи говори за меня со свинцовым гнильём ураном
господи с проколотыми глазами едет рядом
перебирает всех пассажиров говорит
как гвоздь без шляпы: вам здесь
не надо

Наблюдая Пушкина

ТК

чистое озеро белые воды без рыбы
без ходока над ней любая вотще погибель
ушла через левое плечо посмотри полюбишь
так изречёшь чтобы день на восьмой погубишь

был день восьмой сходили по кругу трамваи
опускались вглубь города не нарушая правил
правленный воздух вот и себя переправил
последний старик через реки последней лавы

пушкин ах пушкин кругом твои черные речки
чистое озеро и ты не небом отмечен
встаёшь в день восьмой идешь через дно сквозь рыбу
сквозь ходока сквозь пустой трамвай
на свою погибель

ехал трамвай без маршрута в свою обитель
ехал слепой и ехал больной
как зритель

«ТОТ ЕЩЕ ПИТЕР ПОЖАЛУЙ МОСКВА...»

тот еще питер пожалуй москва
хоть б садовая дом номер два
два обалдуя бредут через лес
это арбат он стоит без чудес
скоро умрут эти голубя два
белому снегу не пережва
ать говори говори два шара
может прибьется к тебе мошкара
чувствует нас электрический ток
раз есть здесь выток то значит исток
тоже там есть понимаешь меня
это не Питер сплошная Москва
ходишь и ходишь всё тащишь Кыштым
и за тобою молочный как дым
этот идёт как густой идиот
снег перевёрстанный наоборот
тут есть москва остальное кыштым
и б садовая плача по ним
я прохожу и на той стороне
крыльями машут
наверное мне
голубь и голубь во рту
снег горит
тот ещё питер меня
перейти

«МНЕ НАДО ПОБЫТЬ ОДНОМУ...»

мне надо побыть одному
надо побыть одному
быть одному меня
нет в тесноте
роня

ты урони как круг
ты урони квадрат
так мне свистел собрат
все остальное
в кат

я не умею я
только гордынь есть тьма
каюсь что был живой
с оторванной
головой

но не удастся мне
быть одному ништяк
кто-то прошёл сквозь нас
огнём на своей голове
огнетушитель
спас

«Закончены стихи дорога и тоска...»

закончены стихи дорога и тоска
когда объединишь то сложится доска
трёхтонная читай буквальная и я
стою среди снежков (провальный
как строфа)

ты не жалея меня (проходим магазин:
я воровал отсюда свинцовый хлеб и Зин
соседских воровал до талова до слёз)
теперь я здесь в строю обугленных
берез

законченный как жизнь как свой блатной базар
когда всех сложишь ты получится вокзал
разложится конец незначимых речей
летят в снежки в лицо как будто я
ничей

Срочной авиапочтой

СРОЧНОЙ АВИАПОЧТОЙ

железно
дорожной
вагоном цепным на взрыв
бога ли нет повздошной
веною каплей воздуха впившейся
в шприц
я говорю от того от чего ты молчишь

я говорю зверобойный словарь дрова
стали углями стало быть смерть права
стало быть всякий вагон столыпинский и не спит
только лишь наша речь
последние капли воздуха
я говорю в том месте в том горлышке
где ты сгоришь

где от совести и от морали и от стыда
почта уходит в небо —
Бога что нет права

Он за той стенкой —
маленький трогательный
как сова
правит грамматику и молчит
всегда навсегда

молчит что нет его
есть маленький рейс
на который не хватит слов и свинцовых
рельс

«приговори мою главу приговори мои все силы...»

приговори мою главу приговори мои все силы
пускай что к твоему полку
все то что прибыло
не в прибыли

проговори проговори вслепую
я не искал но я нашел такую
не то чтоб виселица плачь
поплакаем как будто вместе

нам удавалось но не так
на том точь в точь и этом месте
все то что прибыло в крови
и руки лезут изнутри

не проговаривая мир
штаны надев а не эфир
и дева знак и каблучок
и мир повешен на сучок

и я поплакаю с тобой
среди оборванных обой

– и я поплакаю?
– поплачь
пока москва всплывает
вскачь

Петре

так смотрит в слово это бог свои итоги
он оставляет как порог а на пороге
две рыбы хлеб и молоко течет из кринки
так смотрит в слово это бог так смотрит Зинка
так видит слово в нас итог и дочь по ветру
находит щель находит бог находит веру
они наружу как слова но рты защиты
они не требуют солдат не ждут защиты
покинув рты покинув пар и потом поры
они бегут ни от меня но для опоры
стоит фонарь на пустоте и против ветра
он говорит горит меня ты слышишь пЕтра
нам возвратят учеников чтоб научиться
две рыбы берегут порог для возвратиться

«СПОЛЗАЮТ С НИЖНЕГО В КЫШТЫМ...»

сползают с нижнего в кыштым
Собака Пар Тесак И Блярва

четверка их – по стенке скрип
кыштым кыштым
Чего нам надо?

чего нам надо надо что?
я говорю – собак и блярва
отходят в сторону на стук

и воздуха наждак
НА НАДО

идём мы станцией Потьмы
по эти обе стороны
четверка их и прочих тьма

темна у света
Сторона

«ПОЙМИ НИКТО НЕ ВИНОВАТ...»

пойми никто не виноват
ни в том ни в этом отвечай
из пустоты как урожай
всё отражается в вине
пойми закроются глаза
а ты внутри на глубине

всё против почему
ты
за?

пойми никто не виноват
дрожит судья в тебе дрожит
немой и триста киловатт
земли с виной
в тебе
лежит

«побойся ходить и отвечать...»

Евгению Туренко

побойся ходить и отвечать
небо и небо устанешь кончать

беременный страхом родить себя врозь
расходишься с голосом – слышишь небось

не бойся пустыни и рваного рта
что скажешь то скажешь всеподло когда

вода не удержит держащего всех
соломы охапкой а встанешь смотреть

за слово ответишь и слово тебе
вернёт – эту осень и прошлого нет

высоты фанерны пейзаж наизусть
идёт по тебе под осиновый хруст

Дада. 1909 г.

*канатоходец канатоходец
какой поганый народец
идет начало идет конец
канатоходец идет пиздец
канат разрубленный ако воды
идут измученные народы
Дм. Машарыгин*

- 1 -

колоть на дрова своего буратино

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.